

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.178

ОТВОД СУДЬИ КАК ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

The Removal of the Judge as a Guarantee of Fair Criminal Justice

ДЕРИШЕВ Юрий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, доктор юридических наук, профессор (Омск)

Derishev Yuriy V. – Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensics, Omsk Law Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor (Omsk)

derishev.omsk@mail.ru

КРАСНОВ Василий Евгеньевич – советник Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Krasnov Vasily E. – Counselor, Department of Constitutional Foundations of Criminal Justice of the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg)

vasiili@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена институту отвода судьи в уголовном судопроизводстве, который рассматривается в качестве важнейшей гарантии справедливого уголовного правосудия. На основе определения сущности и содержания механизма отвода судьи авторами предлагается анализ правоприменительных проблем, сопровождающих его реализацию в современном уголовном судопроизводстве.

Annotation. The article is devoted to the institution of the removal of a judge in criminal trial proceedings, which is regarded as the most important guarantees of fair criminal justice. Based on the definition of the nature and content of the mechanism for the removal of a judge, the Authors offer an analysis of the problems of the application of law that accompany its implementation in modern criminal proceedings.

Ключевые слова: справедливое судебное разбирательство; гарантии независимости и самостоятельности суда; уголовное правосудие; отвод судьи в уголовном судопроизводстве; обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве.

Keywords: fair trial, guarantee of the independence and autonomy of the court, criminal justice, disqualification of a judge in criminal proceedings, circumstances precluding participation in criminal proceedings.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-4-84-90

Необходимым условием и одновременно критерием справедливого судебного разбирательства является право каждого на объективный суд, предполагающее отсутствие предубеждения и пристрастности судей. Данное утверждение, возведенное в постановлениях Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П [17] и от 19 апреля 2010 г. № 8-П [16] в ранг правовой позиции, вряд ли способно вызвать какие-либо разумные сомнения, а проблема обеспечения беспристрастности судьи, являющегося, по выражению А. Ф. Кони, «центром тяжести организации уголовного правосудия» [10], безусловно относится к числу ключевых в уголовном судопроизводстве.

Гарантии самостоятельности и независимости суда в уголовном процессе находятся в фокусе судебно-правовой реформы, проводимой в стране с начала 90-х гг. прошлого столетия. Вместе с тем новый виток научных дискуссий, возникших в связи с обращением отечественной процессуалистики к проблемам «реанимации» принципа объективной истины, оптимизации субъектного состава судопроизводства за счет введения фигур следственного судьи либо судебного следователя, реформирования суда с участием присяжных заседателей, в конечном счете свидетельствует о сохраняющихся претензиях научного сообщества к основам справедливости уголовного правосудия.

На этом фоне изменения законодательства неуклонно повышают требования к его качеству. Особенно если это касается итогового судебного решения. Так, в рамках либерализации уголовного законодательства существенно расширены границы судебского усмотрения при назначении уголовного наказания, что позволяет некоторым исследователям не без оснований утверждать, что «теперь при назначении наказания судье фактически предоставлено больше власти, чем закону» [1, с. 178]. При этом необходимо учитывать, что даже при наличии нескольких возможных законных решений по уголовному делу не все из них будут обоснованными и справедливыми в отношении конкретного случая [4, с. 91].

Безусловно, к личности судьи обществом и государством предъявляются самые высокие профессиональные и нравственные требования, которым он должен соответствовать и в стенах суда, и вне его – «судьи работают и живут в стеклянной башне» [3, с. 34], и «каждый судья должен смотреть на себя так, как будто доверие об-

щества ко всей судебной системе зависит от него и от его поведения» [3, с. 288]. По меткому выражению Р. Иеринга, судья, который делает тяжбу «своей», «переносит своим неправосудием претензию на себя» [7, с. 199].

Между тем нельзя не согласиться, что каждый судья – это часть своего времени, порождение своей эры [3, с. 169]. Суд объективно находится под воздействием множества как внешних, так и внутренних факторов – от уровня общественного доверия к судьям до системы оценки работы конкретных судей и судов. В любом случае, как утверждал А. Ф. Кони в «Нравственных началах в уголовном процессе», к судье следует предъявлять высокие требования, но требовать от него героизма невозможно [10].

В целом необходимость более полного осуществления конституционных положений о независимости суда, наряду с противодействием коррупции, рассматривается как одна из наиболее актуальных проблем современной России [9, с. 24]. Рассуждая на эту тему, мы говорим, по существу, о реализации генерального проекта справедливого суда, без которого страна не сможет «взять правовой барьер» [6, с. 267].

Одним из важнейших средств, направленных на исключение участия в процессе судьи, не являющегося беспристрастным, объективным и независимым субъектом правосудия, является известный юриспруденции еще со времен Древнего Рима *институт отвода судьи*. Особую значимость данному институту придает то, что он выступает непосредственной, доступной (а для гражданина, который оказался в ситуации заведомо ангажированного разбирательства, – чуть ли не единственной) гарантией объективного разрешения дела, при том что судьями единолично по первой инстанции в РФ рассматривается 99,9 % уголовных дел [15] и, следовательно, принимаемое ими решение в большей мере, нежели при коллегиальной форме судебного разбирательства, связано с личностью конкретного судьи. «Ясно одно – пока форма единоличного правосудия доминирует, обостряется проблема – кто же судьи?» [12, с. 362]. Несомненно и то, что успешное функционирование института отвода судьи имеет и непреходящее антикоррупционное значение и влияние [2, с. 93].

Институт отвода судьи является важнейшей гарантией справедливого правосудия, а именно установленной уголовно-процессуальным законом системой правовых норм, которые реально

обеспечивают (гарантируют), т. е. позволяют участнику процесса принудительно защитить и реализовать свои права, законные интересы или добиться выполнения обязанностей независимо от воли противостоящих ему субъектов [5, с. 173]. Развивая данный вывод, отождествляющий уголовно-процессуальные гарантии с некими резервами, предохранителями в большом механизме (аналогично тормозу, ремням или подушкам безопасности в автомобиле) [5, с. 44], отметим, что институт отвода судьи относится к системе «активной безопасности», направленной на предотвращение происшествия (необъективного рассмотрения дела и неправоудного решения), в отличие от средств «пассивной безопасности» – гарантий, направленных на устранение последствий уже случившегося.

Трудно утверждать, что рассматриваемому институту в настоящий момент уделено должное внимание. Проблемы отвода судьи чаще всего рассматривались лишь как часть более общих областей исследования, связанных с гарантиями объективности, беспристрастности, независимости судей, обстоятельствами, исключающими участие иных субъектов уголовного судопроизводства, и т. п., в то время как в иных процессуальных сферах данный вопрос являлся объектом полноценных научных исследований [13]. Необходимо также признать, что в практике уголовного судопроизводства удовлетворение заявленного судье отвода либо самоотвод судьи носят малораспространенный, а порой единичный характер. При этом практически не ведется статистическое наблюдение за правоприменительной практикой в данном направлении, как нет и ее обобщения и анализа.

В связи с этим следует выделить три проблемных вопроса, связанных с механизмом определения обстоятельств, исключающих участие судьи в уголовном процессе: 1) вопрос о понятии и сущности института отвода судьи; 2) проблема оснований отвода; 3) вопрос о надлежащей процедуре рассмотрения ходатайства об отводе.

Так, понятие отвода судей необходимо рассматривать с двух позиций: в объективном смысле (как неспособность осуществлять судебские полномочия в целом) и субъективном смысле (невозможность обеспечить беспристрастное рассмотрение спора). В первом случае вопрос регулируется правовыми предписаниями об основах судоустройства и судопроизводства, во втором процедура и основания отвода опре-

деляются уже нормами процессуального права [13, с. 25].

По своей сути заявленное участником процесса ходатайство об отводе лишь свидетельствует о наличии у него обоснованных сомнений в беспристрастности судьи. Между тем зачастую инициация отвода рассматривается как некое предъявляемое судье обвинение, претензия, которые требуют от него объяснений и от которых он будет «защищаться» в своем решении, принимаемом по заявленному ходатайству. «Отвод судьи – своего рода обвинение, под которым подразумевается косвенный вопрос: справедливы ли те претензии, которые предъявляет к вам заявитель» [12, с. 499]. *В этом смысле* удовлетворение отвода по существу свидетельствует о признании вины – оно «равносильно признанию в совершении проступка, позорящего честь и достоинство судьи, умалившего авторитет судебной власти, что должно повлечь для него наступление неблагоприятных последствий, в частности прекращение его полномочий» [18]. Вряд ли подобная негативизация института отвода идет на пользу его правовой эффективности.

Безусловно, при наличии сомнений в беспристрастности судьи предпочтителен был бы его самоотвод – «обоснованный отвод судьи по заявлению самого судьи будет способствовать укреплению авторитета судебной власти» [2, с. 97]. В то же время удовлетворение ходатайства об отводе судьи в ходе рассмотрения дела, будучи направленным на достижение целей правосудия, само по себе не должно рассматриваться как подтверждение совершения им правонарушения – что, безусловно, не исключает соответствующего реагирования в случае установления злоупотреблений со стороны судьи.

Актуальным представляется вопрос конкретизации перечня оснований для отвода, который в общем виде, бесспорно, должен оставаться «открытым». Конкретизированные основания отвода, выступающие, по существу, в качестве неопровержимой презумпции личной заинтересованности судьи, в отличие от общей формулировки (иные обстоятельства, дающие основание полагать, что судья прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела), содержащей опровержимую презумпцию [19, с. 244], позволяют избежать противоречивой судебной практики в отношении сходных обстоятельств.

Прежде всего необходимо отметить, что сама по себе формулировка оснований отвода в ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) по своему буквальному смыслу регулирует отвод лишь по возбужденному уголовному делу, что формально лишает заинтересованное лицо права на заявление отвода на стадии возбуждения уголовного дела (например, в связи с обжалованием постановления об отказе в возбуждении уголовного дела). Также очевидно, что п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ требует дополнения положением о том, что судья подлежит отводу не только в том случае, когда он является близким родственником или родственником кого-либо из участников производства по делу, но также и в тех ситуациях, когда среди этих участников имеются близкие судье лица – в смысле, придаваемом этому термину п. 3 ст. 5 УПК РФ.

Об утрате объективности судьи, рассматривающего конкретное дело, прямым образом свидетельствует и публичное выражение им какого-либо мнения по данному делу, что также должно быть предусмотрено в перечне оснований для отвода. Представляется обоснованным включение в этот перечень и факта предыдущего участия судьи в качестве дознавателя, следователя, прокурора, судьи и т. д. в рамках иного судопроизводства в одном деле с заявителем или сторонами [2, с. 96].

Вероятно, назрела необходимость вернуться к дискуссии по вопросу о допустимости рассмотрения и разрешения уголовного дела судьей, ранее осуществлявшим по этому же делу судебный контроль за законностью досудебного производства. Отказ федерального законодателя от такого основания для отвода судьи в 2002 г. в числе прочего был обусловлен объективными препятствиями, связанными с возможностями судебной системы, которые в настоящее время устранены. При этом наличие возможных сомнений в беспристрастности судьи, например, избравшего обвиняемому в ходе досудебного производства меру пресечения в виде заключения под стражу, довольно убедительно аргументируется в научной литературе, а также в качестве правовой позиции содержится в ряде решений Европейского Суда по правам человека [21, с. 128–131].

В связи с этим трудно не согласиться с позицией М. И. Клеандрова, полагающего, что «никакой нормой права невозможно формализовать и зафиксировать субъективное ощущение

судьи, опасющегося, что в данном конкретном процессе он может оказаться недостаточно беспристрастным, полностью нетенденциозным к определенному участнику процесса, к оценке конкретных доказательств, к тем или иным обстоятельствам дела, к последствиям собственного решения по делу, если оно им будет принято, и т. д.» [8, с. 305]. Поэтому, как полагает данный автор, критерии законодательного регулирования и правоприменительной практики отвода судьи должны воспринимать категории этики, при этом целесообразно предусмотреть возможность обращения судьи за необходимым ему советом в комиссию по этике соответствующего совета судей. По мнению М. И. Клеандрова, необходимо разработать специальный законодательный акт (базовые положения которого можно будет потом инкорпорировать в процессуальные кодексы либо попросту закрепить там соответствующие бланкетные нормы) об основаниях, условиях, процедурах и последствиях отвода и самоотвода судьи от участия в конкретном деле [8, с. 306]. Потребность в этом очевидна, поскольку имеющиеся в данный момент в процессуальных системах отличия в сфере регулирования института отвода судей вряд ли имеют разумное обоснование с позиции единых требований независимости и справедливости правосудия безотносительно процессуальной сферы, в которой оно осуществляется.

При этом необходимо отметить, что действующее законодательство существенно затрудняет доказывание (обоснование) заинтересованной стороной обстоятельств, исключающих участие судьи в уголовном судопроизводстве. В частности, установление такого основания для отвода, как наличие родственных связей с участником процесса (п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ), фактически блокируется действующим законодательством о защите персональных данных судей. Участвующим в деле лицам недоступны и сведения о предыдущих местах работы судьи, наличие которых могло бы способствовать установлению того, находился ли судья в служебной зависимости от лица, участвующего в деле, – такое основание для отвода, например, прямо предусмотрено п. 6 ч. 1 ст. 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В целом действующее законодательство не оговаривает четко ситуации, обязывающие судью раскрыть перед сторонами информацию об обстоятельствах, которые могут вызвать

сомнения в его беспристрастности, – в отличие, например, от третейских судей, в отношении которых соответствующее регулирование содержится в Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей, утвержденных приказом Торгово-промышленной палаты РФ от 27 августа 2010 г. № 39 [14; 20, с. 54]. В итоге «сложилась парадоксальная ситуация, в которой беспристрастность третейских судей обеспечена куда лучше, чем беспристрастность профессиональных судей в уголовном (и гражданском) процессе» [20, с. 55].

Наиболее критикуемым элементом института отвода является установленное ч. 4 ст. 65 УПК РФ правило о том, что отвод судье, единолично рассматривающему дело, разрешается этим же судьей. На первый взгляд, такая норма действительно обнаруживает противоречие принципу *nemo iudex in causa sua*. «Процедура решения вопроса отвода отводимым справедлива лишь в случае однозначного удовлетворения такого заявления» [12, с. 165]. Между тем такой порядок разрешения ходатайства об отводе необходимо рассматривать в системе установленных уголовно-процессуальным законом гарантий.

Так, заявление об отводе судьи должно содержать в себе ссылку на объективные обстоятельства, свидетельствующие о личной заинтересованности того или иного судьи в исходе дела, а не базироваться на абстрактных предположениях¹. Статья 65 УПК РФ не позволяет суду, которому заявлено соответствующее ходатайство, произвольно, без учета оснований, предусмотренных ст.ст. 61 и 63 УПК РФ, решать вопрос об отводе судьи и не освобождает его от обязанности обосновать свои выводы ссылками на кон-

кретные обстоятельства дела, к тому же справедливость и беспристрастность решения судьи гарантируется всей совокупностью уголовно-процессуальных средств и процедур, включающих контроль со стороны вышестоящих судебных инстанций, обязанных при выявлении того, что приговор или иное судебное решение вынесены незаконным составом суда, отменить его и направить уголовное дело на новое рассмотрение². При этом, как указывал Конституционный Суд РФ применительно к гражданской процессуальной сфере, подобный порядок рассмотрения ходатайства снижает вероятность затягивания рассмотрения дела вследствие недобросовестного заявления кем-либо из лиц, участвующих в деле, необоснованного отвода судье³. Данные правовые позиции не только не теряют своего значения, но, напротив, могут получить новое практическое воплощение в связи с расширением возможностей апелляционного обжалования приговоров и иных судебных решений с 1 января 2013 г., касающихся исследования фактической стороны дела, в том числе проверки законности и обоснованности разрешения судьей ходатайства о собственном отводе.

Рассмотренные выше предложения не исчерпывают возможных направлений и способов совершенствования гарантий справедливости правосудия. Как точно подмечено И. Б. Михайловской, «становление независимого суда не менее, а может быть, и более сложный процесс создания (точнее, «выращивания») других демократических институтов, оно неразрывно связано с общей эволюцией социальной системы, изменением массового и профессионального правосознания, гражданской активностью населения» [11, с. 19].

Список литературы

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. 296 с.
2. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные проблемы отвода судьи в современных условиях // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 93–99.
3. Барак А. Судейское усмотрение. М. : НОРМА, 1999. 376 с.
4. Грачёва Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения : моногр. / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2013. 376 с.
5. Деришев Ю. В., Овчинников Ю. Г. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий. Омск : Ом. юрид. ин-т, 2012. 182 с.
6. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен : моногр. М. : Норма, 2013. 495 с.
7. Иеринг Р. Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М. : Статут, 2008. 231 с.
8. Клеандров М. И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.

¹ Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 марта 2010 г. № 422-О-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 янв. 2016 г. № 115-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 янв. 2016 г. № 125-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
10. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Избр. произведения. М. : Госюриздат, 1956. URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0060.shtml (дата обращения: 23.03.2016).
11. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М. : Проспект, 2010. 128 с.
12. Мурадян Э. М. Судебное право. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 575 с.
13. Науменков А. В. Отвод судей в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
14. О Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей : приказ Торгово-промышл. палаты Рос. Федерации от 27 авг. 2010 г. № 39. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2015 года // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3213> (дата обращения: 23.03.2016).
16. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнаутдинова, Р. В. Кудашева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 апр. 2010 г. № 8-П // Рос. газ. 2010. 7 мая.
17. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 марта 2008 г. № 6-П // Рос. газ. 2008. 2 апр.
18. Сайкин Л., Грузд Б. Невозможно быть беспристрастным, рассматривая отвод самому себе // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 18–19.
19. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 992 с.
20. Трубникова Т. В. Начало беспристрастности суда в уголовном процессе РФ: пренебрежение незаслуженно // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 51–55.
21. Федорин В. Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 234 с.

References

1. Babaev M. M., Pudovochkin Iu. E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Problems of the Russian Criminal Policy]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.
2. Bagautdinov F. N. Aktual'nye problemy otvoda sud'i v sovremennykh usloviakh [Actual Problems of Disqualification of a Judge in Modern Conditions]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2009, no. 5, pp. 93–99.
3. Barak A. *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial Discretion]. Moscow, NORMA Publ., 1999. 376 p.
4. Gracheva Iu. V. *Sudeiskoe usmotrenie v primeneniі ugolovno-pravovykh norm: problemy i puti ikh resheniia* [Judicial Discretion in the Application of Criminal Law: Problems and Ways of Solving Them]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 376 p.
5. Derishev Iu. V., Ovchinnikov Iu. G. *Teoreticheskie osnovy ugolovno-protsessual'nykh garantii* [Theoretical Foundations of Criminal Process Guarantees]. Omsk, Omsk Law Institute Publ., 2012. 182 p.
6. Zor'kin V. D. *Pravo v usloviakh global'nykh peremen* [Law in the Context of Global Change]. Moscow, Norma Publ., 2013. 495 p.
7. Iering R. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Law Technology]. Moscow, Statut Publ., 2008. 231 p.
8. Kleandrov M. I. *Sudeiskoe soobshchestvo: struktura, organizatsionno-pravovoe razvitie* [Judicial Community: Structure, Organizational and Legal Development]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 352 p.
9. Zor'kin V. D. (Ed.) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2013. 1040 p.
10. Koni A. F. *Pravstvennye nachala v ugolovnom protsesse* [Moral Principles in the Criminal Process]. *Izbr. Proizvedeniia* [Chosen Research Papers]. Moscow, Gosizdat Publ., 1956. Available at: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0060.shtml (accessed 23.03.2016).
11. Mikhailovskaia I. B. *Sudy i sud'i: nezavisimost' i upravliaemost'* [Courts and Judges: Independence and Control]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 128 p.
12. Murad'ian E. M. *Sudebnoe pravo* [Court Rules]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press, 2007. 575 p.
13. Naumenkov A. V. *Otvod sudei v arbitrazhnom protsesse*. Dis. kand. iurid. nauk [Judges Drain in the Arbitration Process. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2002. 172 p.
14. *Prikaz Torgovo-promyshlennoi palaty Rossiiskoi Federatsii "O Pravilakh o bespristrastnosti i nezavisimosti treteiskikh sudei"* [Decree of the Commercial and Industrial Chamber of the Russian Federation "Regulation of the Impartiality and Independence of Arbitrators"] of August 27, 2010 № 39. *Konsul'tantPlus – ConsultantPlus*, 2016.
15. *Otchet o rabote sudov obshchei iurisdiktsii po rassmotreniiu ugolovnykh del po pervoi instantsii za 1 polugodie 2015 goda* [Report on the Work of the Courts of General Jurisdiction to Hear Criminal Cases on the First Instance for the 1st Half of 2015]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3213> (accessed 23.03.2016).
16. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii "Po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 2 i 3 chasti vtoroi stat'i 30 i chasti vtoroi stat'i 325 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v sviazi s zhalobami grazhdan"*

R. R. Zainagutdinova, R. V. Kudaeva, F. R. Faizulina, A. D. Khasanova, A. I. Shavaeva i zaprosom Sverdlovskogo oblastnogo suda” [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation “In the Case on the Constitutionality of Paragraphs 2 and 3 of the Second Paragraph of Article 30 and Part Two of Article 325 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of Citizens R. R. Zaynagutdinova, R. V. Kudaeva, F. R. Faizulin, A. D. Khasanov, A. I. Shavaeva and Request the Sverdlovsk Regional Court”] of April 19, 2010 № 8-P. *Rossiiskaia gazeta – Russian Gazette*, 2010, May 7.

17. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii “Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 3 stat’i 21 Arbitrazhnogo protsessual’nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v sviazi s zhalobami zakrytogo aktsionernogo obshchestva “Tovarishchestvo zastroishchikov”, otkrytogo aktsionernogo obshchestva “Nizhnekamskneftekhim” i otkrytogo aktsionernogo obshchestva “TNK-VR Kholding” [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation “In the Case of Check of Constitutionality of Part 3 of Article 21 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of the Closed Joint-Stock Company “Association of Developers”, Open Joint Stock Company “Nizhnekamskneftekhim” and Open Joint Stock Company “TNK-BP Holding”] of March 25, 2008 № 6-P. *Rossiiskaia gazeta – Russian Gazette*, 2008, April 2.

18. Saikin L., Gruzd B. Nevozmozhno byt’ bespristrastnym, rassmatrivaia otvod samomu sebe [You Can Not Be Impartial, Considering the Withdrawal of Myself]. *Rossiiskaia iustitsiia – Russian Justice*, 2003, no. 11, pp. 18–19.

19. Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. *Kommentarii k Uголовno-protsessual’nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. 5th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 992 p.

20. Trubnikova T. V. Nachalo bespristrastnosti suda v uголовnom protsesse RF: prenebrezhenie nezasluzhenno [Start of Impartiality of the Court in the Criminal Trial of the Russian Federation]. *Uголовnaia iustitsiia – Criminal Justice*, 2013, no. 1, pp. 51–55.

21. Fedorin V. E. *Protsessual’nye garantii ob’ektivnosti i bespristrastnosti professional’nykh uchastnikov uголовnogo sudoproizvodstva*. Dis. kand. iurid. nauk [Procedural Guarantees of Objectivity and Impartiality of the Professional Participants in Criminal Proceedings. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2007. 234 p.